

Отца Алоизий послал маленького монаха пригласить войну и крестьян села Кальварий, а нам предложил осмотреть церковь, соединенную внутренним ходом с монастырем.

Церковь большая, заново отстроенная; все то же витиеватое и скучное барокко. Чудотворная икона в глубине главного алтаря была закрыта другой иконой, прекрасной богей мурильевской мадонны. Посредством особого приспособления мадонна Мурильо поднималась высоко к своду храма, и тогда открывалась Кальварийская Богородица с младенцем, напоминающая рубенсовские лица. Богородица была в короне.

— Это одна из немощных икон Божьей Матери, коронованных напой, — сказала о Алоизий. — Пана Левь XIII прислал для нее корону.

— Вот беда, — жаловался священник, — пить вина для службы Божьей. Не знаете ли вы, где можно достать хотя немного блага вина?

Один из моих спутников, врач, надеясь, что достанет, и обещал прислать.

Холодно было в пустом обширном храме. Мы с удовольствием вернулись в теплую маленькую келью.

— Вы не боитесь жить один в этих огромных пустых стенах? — спросил врач.

— Я не думаю об этом и остаюсь при храме ради службы Божьей, — с достоинством ответил священник.

Смело смотрели его умные, быстрые, проницательные глаза. Совсем по-земному загорелые они, когда мы предложили ему написать. Ни молитвы, ни звуки органа (он сам играет в пустой церкви) не могли защитить его от соблазна. Он странно стосковался по трубке, которая лежала на столе без употребления или сосал ее пустую. Мы отдали ему все, что у нас было, и обещали прислать табаку и сигары. Он просил еще немножко махорки.

— Если ее чуть-чуть прибавить к табаку, это придаст ему приятную крепость...

Он даже прищелкнул языком.

Когда пришли крестьяне и выбрали гминный комитет, они просили священника быть его членом. Просил и я. Но о. Алоизий решительно отказался.

Он сообщил нам после ухода крестьян, что, во-первых, они просили его только из вежливости, а, во-вторых, он находится под домашним арестом и не имеет права отлучаться за пределы монастыря.

Забывшие крестьяне, живущие возле монастыря, не отличаются особенной религиозностью, — прибавил он. — Наши религиозные торжества интересуют их только ради паломников, которыми они продают свои продукты...

Е. Ганнейзеръ.

18-го января.

Мимоходомъ.

VI.

Ощущение войны.

— В Москвѣ война какъ-то не чувствуется.

Такъ говорили мнѣ варшавяне, побывавшие в Москвѣ и вернувшиеся домой. Мнѣ ихъ слова казались невѣроятными. Какъ можетъ «не чувствоваться» война в Москвѣ, которая такъ много сдѣлала и дѣлаетъ для нашего успѣха, основала столько лазаретовъ, прислала такихъ щедрыхъ пожертвований, — в Москвѣ, которая переполняетъ аудиторію, какъ только лекторъ избираетъ темой войну, в Москвѣ, гдѣ газеты отводятъ войнѣ 2/10 своихъ столбцовъ, гдѣ, наконецъ, каждая семья такъ или иначе с войной связана, отправивъ на фронтъ мужа, брата или сына! Слѣдъ за московской жизнью на газетамъ (такъ какъ, выѣхавъ изъ Москвы в началѣ августа, я пять мѣсяцевъ не покидалъ «района военныхъ дѣйствій»), я былъ увѣренъ, что мои собеседники варшавяне преувеличиваютъ или, точнѣе, преуменьшаютъ, или ихъ утверждение — своеобразное проявление любви къ родному городу, в которомъ все представляется «лучше, замѣчательнѣе, чѣмъ в другихъ».

Но вотъ, послѣ пятимѣсячнаго отсутствия, я самъ побывалъ вновь в Москвѣ, провелъ въ ней почти три недѣли, присмотрѣлся къ ея жизни и готовъ если не повторить слова варшавянъ, то замѣнить ихъ естественнымъ утверждениемъ: «Въ Варшавѣ чувствуется война». Никто не станетъ отрицать, что москвичи глубочайшимъ, живѣйшимъ образомъ захвачены войной, что все другіе интересы, кромѣ войны, отошли въ Москвѣ на второй, на третій планъ, что она живетъ войной и не останавливается ни предъ какими жертвами ради торжества нашего оружія. Но тяжелая жребія непосредственно переживаетъ войну на долю Москвы не выпало; война остается гдѣ-то далеко отъ Москвы, не встаетъ предъ москвичами въ зримыхъ, осязательныхъ обликахъ. И жителю Варшавы, пріѣхавшему в Москву, можетъ и должно казаться, что развѣялась та атмосфера войны, которая окружала его въ столицѣ Польши. Подобно этому, мнѣ, вернувшемуся изъ Москвы в Варшаву, кажется, что все великое и грозное, соединяющееся для насъ въ понятіи «война», опять пришло плоть и кровь и со всѣхъ сторонъ обступило меня.

... Я иду по Краковскому проспекту и дальше по Новому Свѣту, однимъ изъ лучшихъ улицъ Варшавы. Два часа дня. Прохожіе движутся спешной массой какъ на большихъ бульварахъ в Парижѣ в весенніе дни недавняго прошлаго: такого движенія нѣтъ теперь ни в Москвѣ, ни в Кузнецкомъ, ни в Петроградѣ, ни в Невскомъ! Присматриваясь, я вижу, что в этой варшавской толпѣ молодежи, — даже больше, — военные; слышатся самыя разнообразныя формы шинелей и мундировъ, изъ которыхъ яныя я вижу в первый разъ. А ушатовскихъ, — тоже едва ли не у половины, — повязка съ Краснымъ Крестомъ на левой рукѣ. Вся Варшава обратилась какъ бы в одинъ огромный военный лагерь.

Мнѣ затарачивать голову берейнда тѣлѣ съ сѣкчемъ: это везутъ фуражъ для передовыхъ позицій, и прохожіе безпрестанно перебегаютъ, пока медленно продвигается обозъ. Немного дальше меня нагоняетъ длинный рядъ тѣлѣжекъ.

А вотъ зрѣлище необычное. Толпа останавливается и смотритъ съ напряженнымъ любопытствомъ; раздаются отрывистыя восклицанія, которыми каждую минуту могутъ вырости въ овалѣ.

А потомъ идутъ отряды нашихъ «сырыхъ героевъ», такихъ простыхъ, такихъ незамѣтныхъ, в сырыхъ походныхъ шинеляхъ, безо всякихъ украшеній. У солдатъ, что называется, «открытыя» лица, съ той особой печатью серьезности, которую накладываетъ постоянная близость смерти и осознаніе великой ответственности передъ родной. Эти уже побывали в окопахъ, выдержали, можетъ-быть, двадцати- или тридцатидневные бои съ итальианцами. Въ присутствіи этихъ солдатъ, бывалыхъ, обстрѣленныхъ, словно чувствуешь надъ собой стуженый вѣтеръ полей, изрытыхъ траншеями, словно слышишь близко отъ себя визгъ разрывающихся снарядовъ и видишь нависшихъ тѣхъ пруссаковъ, преданныхъ приступомъ на наши укрѣпленія.....

Сколько еще подобныхъ же вѣстрѣчъ, пока пройдемъ по Новому Свѣту до популярной «Удловой» цуверни, свернешь на Иерусалимскую аллею и потомъ по Маршалковской спустимся, мимо ... вокзала, къ Саломонскому саду. Непременно встрѣтишь по пути вагоны трамвая, приспособленные для перевозки раненыхъ; вмѣстѣ съ другими прохожими, молча и осторожно, заглянешь въ одинъ изъ этихъ вагоновъ и увидишь на скамьяхъ, обращенной въ бойню, надъ сырыми складами шинели, которой покрыты раненые, его блѣдное, осунувшееся отъ страданій лицо. Около ... вокзала остановившись въ толпѣ, проявляющей какое-то благоговѣющее любопытство къ раненымъ, и будешь ждать прибытія поезда съ фронта... Потомъ, на какомъ-нибудь перекресткѣ, натолкнешься на партію пѣвчихъ и невольно задумаешься, глядя, какъ, упрямо нахмурившись, шагаютъ пруссаки подъ колыбелью казачковъ, не отвѣчая на вопросъ пѣвчихъ словоохотливыхъ гулякъ. Можетъ-быть, пострѣчаешь еще группу добровольцевъ, въ темныхъ полушубкахъ, бодрыхъ, смелыхъ тѣмъ, что они достигли цѣли, — вступили в ряды арміи; или проскачутъ мимо гусары, пріѣхавшіе в городъ съ какими-нибудь порученіемъ; или мелькнутъ среди гуляющихъ круглыми шапочкой авиаторовъ; или неожиданно выступитъ фигура ...

...въ своемъ національномъ вооруженіи... Все роды оружія, все формы русской арміи останавливаются и смѣниваются на улицахъ польской столицы, въ этомъ городѣ, который своимъ оодержаннымъ мечомъ ганногенно оберегаетъ дѣла съ рыбымъ хвостомъ, — сирена (гербъ города Варшавы).

Если день ясный и надъ крышами опять разстилается иѣжная синева съ бѣлыми облачками (что здѣсь бываетъ часто), — о войнѣ напомнятъ не только уличные вѣтрѣчи, но и самое небо. Едва только надъ Варшавой разсѣивается январскій туманъ, тотчасъ на томъ или другомъ краю небосвода, покажутся темныя точки аэроплановъ. Прохожіе останавливаются, привычнымъ движеніемъ поднимая глаза вверхъ. Все отыскиваютъ тонкій силуэтъ стальной птицы и начинаютъ судить, свой ли это, или врагъ. Вопросъ скоро рѣшается... Варшавяне теперь совсѣмъ освоились съ воздушными разбойниками ... и раньше времени никто уже не прерывается при появленіи врага.

Наступаетъ ночь, но жизнь в Варшавѣ не замираетъ.

Подходятъ поезда съ ранеными, и отряды санитаровъ работаютъ, разбѣгая ихъ въ каретки Краснаго Креста и въ трамвайные вагоны. Слабымъ свѣтомъ озарены и окна лазаретовъ... На улицахъ — полусвѣтъ... Никто на этотъ полусвѣтъ не рошится; всѣмъ понятна разумность принятыхъ городомъ мѣръ.

Такъ днем ... Варшава постоянно видитъ въ своей чертѣ и надъ собой образы войны. Часто Варшава и слышитъ ея отголоски ...

Но война наполняетъ не только внѣшнюю жизнь Варшавы: глубже, чѣмъ в другихъ большихъ городахъ, въ томъ числѣ в Москвѣ, война проникаетъ здѣсь во внутреннюю жизнь населенія, въ жизнь каждой отдельной семьи, каждого отдельнаго лица. Тысячами невидимыхъ нитей жгучаго Варшавы, вѣроятнѣе, все безъ исключенія, связаны съ войной и съ «театромъ военныхъ дѣйствій», и это чувствуется во всѣхъ разговорахъ, во всѣхъ поступкахъ, во всемъ ходѣ жизни.

У многихъ варшавянъ есть родственники или вообще близкіе люди, живущіе постоянно в мѣстностяхъ, которыя вошли в ряды боевыхъ дѣйствій». Другіе связаны съ жителями этого района тѣсными дѣловыми отношеніями. Почти всѣмъ случалось бывать тамъ, гдѣ теперь происходятъ сраженія, и названія Бузур, Гавка, Сохачовъ, Ловичъ, Брезинъ и т. д. Впечатлѣнія, Каміонъ, Рыбинъ и т. д. заучивать для варшавянъ какъ издавна знакомыя, напоминающія опредѣленные, живые образы. Кромѣ того, съ фронта, съ самыхъ полей битвъ в Варшаву постоянно прибываютъ, словно старо-театральные «звѣздики», отбѣльные офицеры и солдаты: толпа пріѣхавъ въ порученіемъ отъ полка, отвѣсти важныя бумаги или закупить что-нибудь, тотъ получилъ отпускъ на нѣсколько дней, тотъ лечится отъ легкой раны... В Варшавѣ, какъ въ большому центру ...

Наконецъ, раненые, попадающіе в Варшаву, большую часть еще накануне участвовали в бою. Они появляются на ...

лаги и въ стѣнахъ лазаретовъ еще оглушенными пальбой орудій, еще какъ бы воочию виданными послѣдніе моменты роковой для нихъ битвы, со свѣжими воспоминаніями о недавнихъ развѣдкахъ, стычкахъ и сраженіяхъ...

Такъ интересы войны незамѣтно просачиваются въ жизнь каждаго варшавянина, даже если бы онъ и не печалъ того, предпочиталъ жить своей маленькой личной жизнью. Одинъ принужденъ выехать въ нихъ потому, что отъ этого зависятъ его торговые дѣла; другой заботится о своемъ имѣніи, расположенномъ гдѣ-нибудь въ западной части Варшавской губерніи; третій долженъ хлопотать объ углѣ или дровахъ, доставка которыхъ въ иные дни бываетъ затруднена

. и т. д., и т. д., Всѣ, у знакомыхъ, въ лазаретахъ, на вокзалахъ (гдѣ многіе работаютъ въ санитарныхъ отрядахъ) или просто въ ресторанахъ и кофейняхъ, постоянно встрѣчаются съ очевидцами боевъ, съ людьми, только что прибывшими изъ самаго огня, слышать рассказы офицеровъ и солдатъ, узнаютъ военныя новости раньше всей Россіи. Замѣчено даже, что варшавяне сравнительно неохотно читаютъ въ газетахъ :
. что новаго могутъ сказать газеты жители Варшавы

...Все это думалъ я, совершая прогулку по Новому Свѣту, Иерусалимской аллеѣ и Маршалковской. Мнѣ загоразживали дорогу

. мнѣ встрѣчались трамваи съ ранеными и партизанскими пруссаками, а въ высотѣ надъ мной парило два аэроплана. Да, я «переживалъ» войну съ такой живостью, съ такой остротой, какихъ не испыталъ за три недѣли, проведенныхъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ война—понятіе, которое властно занимаетъ мысли,—идея, ради которой приносятся великія жертвы, наконецъ,—грозная сила, которая можетъ приносить жестокое страданіе, отнявъ близкаго, дорогаго человѣка. Въ Варшавѣ война—фактъ, реальность, ощущеніе; то, что видишь глазами, что взрывается въ каждый шагъ повседневной жизни

. Да, въ Варшавѣ «война чувствуется»... Но, конечно, все это еще не значитъ, что въ Варшавѣ война и воспринимается глубже, чѣмъ въ другихъ городахъ. И, можетъ-быть, именно въ Москвѣ, гдѣ не бываетъ слышно канонады, гдѣ проходимъ не грозятъ воздушные разбойники, гдѣ жителямъ не приходилось

именно въ Москвѣ особенно глубоко и особенно сожвательно воспринимается всѣмъ населеніемъ каждый новый актъ великой міровой трагедіи, свершающейся въ наши дни.

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 29-го января.